

С Владимиром ПОЗНЕРОМ беседует Галина Никулина*

Останкино. Запись программы "Человек в маске". Студия затемнена. Яркий "путеводный" луч высвечивает попеременно, по ходу действия героя, телеведущего, гостей. Все, как, впрочем, и костюм ведущего (галстук, жилет, а не пиджак), создает образ камерности, тайны. Передача потом выйдет в эфир практически один к одному, без монтажа.

— Скажите, — спрашиваю я, — вы действительно не встречаетесь с героем программы? Он для вас "маска" — "до и после"?

— Действительно. Иначе не может состояться подобная передача. Маска нам обоим дает большую свободу, раскованность. Многие по разным причинам я бы не стал спрашивать у человека, в частности, боясь его смутить, подвести. Да и ответа могу не получить, если гость не инкогнито. Это очевидно. К тому же среди наших героев попадаются и такие люди, которыми интересуются так называемые силовые ведомства, а иногда и Министерство обороны. Были случаи, когда звонили их представители, чтобы получить информацию. И я в этом случае мог ответить абсолютно честно, что совершенно ничего не знаю о тех, кто им нужен. Конечно, мои коллеги, те, которые находят участников передачи, их знают. И не могут это не признать, но могут просто отказать в информации. Я же с самого начала решил вывести себя из этой "игры", я не знаю подлинного имени, фамилии героя, его реального облика, кроме тех случаев, когда герой сам не снимает маску. Не знаю и не должен знать. У меня совсем иная задача.

— Отчасти эта ситуация сходна исповеди в католическом храме, где священнослужитель и тот, кто рассказывает о себе, не видят друг друга. Не так ли и у вас?

— В определенной мере это так. Я думаю, что католики очень хитро придумали, что священник не знает того человека, который перед ним раскрыл душу. В этом есть смысл, и не только тот, о котором мы говорили, — самозащита для решившегося на исповедь. Представьте: человек пришел к тебе, чтобы рассказать о наболевшем, ты еще и вторгаешься в его очень личный мир... Да, вероятно, должен быть некий барьер, который не дает тебе перед приходившим преимущество. Иначе у человека будет ощущение некоей зависимости, а то и страха. А у тебя — иногда невольно — может возникнуть чувство превосходства: ты знаешь чужую тайну, а в жизни могут возникнуть разные ситуации...

— Словом, тайна исповеди не зря людьми придумана. "Маска" наводит еще на одну аналогию: разговор в поезде незнакомых людей. Возможность открыть душу случайному спутнику, не так ли?

— Да. Но и в поезде, между прочим, человек не будет откровенничать, когда солнце ярко светит в окно, разговаривая

— Да, ее откровенность оставляла надежду тем, кто болел.

— Я бы сказал так: это признание обращено ко всем. И к здоровым людям тоже. Ведь никто, увы, не застрахован от болезни. Когда, не дай Бог, ее обнаруживают, первая реакция большинства людей: ужас, отчаяние. А то, что поведала наша "маска", настраивает человека на определенный лад. Понимаете? Не на панический. Помогает поверить, что можно вылезти и вернуться к нормальной жизни.

— То, что рассказывает человек, лично переживший трагедию, воспринимается доверительно, убеждает больше, как правило, любой квалифицированной лекции. Хотя я вообще не против выступления умных врачей, одно другое должно дополнять. Владимир Владимирович, вы ведь теперь работаете и на радио. Радио тоже облада-

У нас, к сожалению, вообще нет станций, которые можно было бы назвать радиосетью, чтобы они охватывали всю страну. Увы, не ведутся такого рода передачи, проблемные, с телефонными звонками из самых разных городов, с важными для людей вопросами, хотя это чрезвычайно интересно и полезно.

— Кроме общения, это и преодоление одиночества.

— Конечно. В этом диалоге могут участвовать самые разные люди, причем звонки эти должны оплачиваться самой студией. Таким образом, не имеет значения, имущий ты человек или неимущий. В Америке есть номера, они начинаются с числа "800", которые бесплатны для тех, кто звонит. Это могут быть номера каких-то магазинов, предприятий также радиостанций. Есть возможность и факс прислать бесплатно. Раз все оплачено, сразу снимается вопрос: дорого ли это для меня, как долго я могу говорить? У нас, думаю, еще не поняли, что это очень выигрышная и демократичная форма обмена мнениями.

— Такое общение — тоже своего рода мост, вернее, целая система мостов. Все-таки ваш интерес к подобной работе — обсуждение актуальных проблем с большой аудиторией — приводит к мысли о том, что не случайно именно вы "наводили" первые теломосты. Эти бурные собеседования (где с американской стороны ведущим был Фил Донахью) у большинства зрителей остались в памяти.

*Лит. газета. — 1998,
— 28 авг. — с. 14*

Легки оковы бытия...

люди только тогда, когда уже стемнело... Вы не зажигаете свет в купе, и возникает эта атмосфера камерности, доверительности...

— Передачи "Мы" и "Маска" во многом разные. Но, думаю, в них много общего — проблемность, специальная направленность.

— Прежде всего оба цикла обращены к большому количеству людей, но в одном мы рассматриваем саму проблему применительно к интересам людей, а в другом случае — исследуем проблему через конкретную судьбу. Притом в "Маске" может рассказываться о ситуации, казалось бы, предельно личной, очень далекой от проблем общественной жизни и забот других людей. Но это впечатление поверхностное, опосредованно этот диалог обращен ко множеству людей. Может быть, вы помните героиню одной из передач — онкологическую больную, у нее был рак груди, и она рассказывала об очень личном: об успехе в обществе, успехе у мужчин. И вдруг — болезнь. Все, казалось, конечно. Она боялась после операции превратиться в человека, который никому не нужен. Однако женщина не только избавилась от болезни, но все в ее жизни осталось по-прежнему, сохранилось то, чем она дорожила.

ет определенной камерностью, своей "магией общения". А почему вы выбрали "Радио 7 на семи холмах"?

— Потому что я получил приглашение именно от этой компании, она частично принадлежит американцам. Эти люди меня нашли, предложили работу, и я с удовольствием взялся за дело. Правда, таким образом я лишился отдыха в воскресенье, ибо это прямой эфир. А почему с удовольствием? Потому что когда-то как-никак проработал на радио 16 лет. И очень люблю его за многое: за демократичность, за сиюминутность, за возможность откровенно разговаривать со многими людьми. Родина "ток-радио" (как и "ток-шоу") — Америка. Эта форма разговорного радио очень развита в США и Англии. В Америке она настолько популярна, что видные ведущие имеют до 25 миллионов слушателей по всей стране, каждый человек может позвонить. Когда-то звонивший не называл свою фамилию (не принято было), а говорил свое имя (мог называть и не свое). Положим, Билл из города Цинциннати. Мало ли в Цинциннати Биллов? Таким образом сохраняется определенная анонимность. Думаю, это дает некоторую свободу не только тому, кто звонит, но и тому, кто общается с ним.

— Наверное, это так, потому что в последующие годы, и это продолжалось долго, какую бы передачу я ни вел, даже, положим, интервью в документальном фильме, мне говорили: мы видели ваш... мост.

— В воскресной радиопередаче "Давайте это обсудим", которую вы ведете в эфире целых два часа — с 20 до 22, — чувствуется искреннее желание тех, кто звонит, высказаться, задать вопросы вам и вашему гостю.

— Знаете, вначале у меня было опасение: все-таки это воскресный вечер. Именно в этот день и в это время существует большая конкуренция со стороны телевидения. К тому же передача не развлекательная. Тема ее — в основном актуальные вопросы политики, экономики, персональные, связанные с общественной, политической жизнью. К счастью, мои опасения оказались напрасными. Звонков очень много, причем от людей разного возраста, это радует. Очень активны тридцати-, сорокалетние. Есть люди с конструктивными идеями, конкретными предложениями — некоторые очень здравые. И говорят люди откровенно, горячо.

— Если бы их показывали по телевидению, многие скорее всего что-то и не решились бы сказать.

— Думаю, что это так. Я уже говорил, что радио, как и маска, дает полезную в такой ситуации анонимность, делает человека более свободным.

Я получаю большое удовольствие от ведения этой передачи. Я вообще считаю, что это трибуна, где всем позволено высказаться независимо от убеждений. Но ни в коем случае, категорически никто не должен оскорблять друг друга. Вместо сока, который плещется в противника, желательно иметь убедительные аргументы в споре, корректно изложенные.

— Когда я слушаю "Давайте это обсудим", я все время мысленно порываюсь что-то вместе с вами обсуждать: некоторые темы очень волнуют и хотелось бы, чтобы о них говорили чаще, более аналитично и конкретно.

В частности, о немислимой лжи, в которую нас погружают, и никто — никто, независимо от принадлежности к какой-либо партии, фракции и т.д. — совершенно никак ни за что не отвечает.

Мой следующий вопрос напрямую не связан по теме с предыдущими. Школа журналистики, которую вы открыли и в которой вы ведете мастер-класс, — это потребность поделиться накопившимся опытом?

— Этот мотив тоже, конечно, присутствует.

Я хочу обязательно прочитать вам то, что написал Маркес. Ведь он журналист. Эта короткая статья называется "Самая лучшая работа на свете".

В.В. открывает огромный книжный шкаф и достает книгу. По той уверенности, с которой он берет том с полки и быстро находит нужную страницу, чувствуется, что книга эта часто берется.

— Вот что пишет Маркес: "Беда школ журналистики, пожалуй, состоит в том, что, прививая некоторые полезные навыки ремесла, они недостаточно разъясняют суть профессии. Всякое обучение в школах журналистики должно основываться на трех основных принципах. Первый и главный: способностях и талантах. Второй: понимание, что так

называемое журналистское расследование вовсе не особый жанр, любая журналистика — расследование по определению, и третий — этика. Не просто второстепенное условие владения ремеслом, но его неотъемлемая часть. Этика и ремесло — такие же нераздельные вещи, как жужжание и муха".

Вот как человек написал. Замечательно совершенно! И абсолютно точно. Каждый раз, когда мы собираем в школе своих ребят, я именно с этого начинаю, и хотя мне говорят: непедагогично говорить человеку, что у него нет таланта, способностей в данной области, я считаю наоборот — это сверхпедагогично, ибо человек должен отдавать себе отчет в том, что за профессией на самом деле он избрал. Ну, например, для того чтобы класть кирпичи, нужно овладеть профессией — талант необязателен, но, конечно, профессионализм, навык обязательны. В любом деле. Но есть профессии, в которых без таланта ты ничего не добьешься. Это те профессии, в которых ты обращаешься к другим людям. Тебе нужно их внимание, их соучастие, нужно, чтобы они тебя слушали, с тобой общались... Если у тебя нет таланта, во всяком случае, способностей, как пишет Маркес, то контакта с людьми не будет. И лучше с самого начала, смолodu это понимать, отдавать себе отчет в правильности выбора своего дела, чтобы потом не превратиться в желчного, завистливого человека, который не может простить другим, что у него нет этого дара, успеха.

— При такой огромной нагрузке (еще ведь и руководств Академией телевидения) вы сохраняете такую отличнейшую форму. Это природа так славно с вами поступила или вы тоже прилагаете усилия?

— Наверное, и то, и другое (смеется). Играю в теннис, кроме того, вы же знаете о нашей команде "чайников".

— Ваше бейсбольное содружество существует?

— Да, еще как существует.

— Вы всегда занимались спортом?

— Любил бегать, неплохо получалось, но — без мировых рекордов.

— А диета?

— Специальной нет. Ем только натуральную пищу, никаких колбас, консервов.

— А вот такой прямолинейный вопрос: вы человек волевой?

— Да. Притом воля бывает разной. Когда-то я решил бросить курить. И — бросил. Это, как вы знаете, требует усилий. Но есть воля иного свойства. Та, что позволяет преодолеть глубокие невзгоды. В разные периоды жизни мне пришлось перенести много тягот, потерь, несправедливости. И я научился ждать и терпеть.

— Среди множества слов добрых, среди множества рук, протянутых для пожатия и автографов во время встречи со зрителями, — неужели нет недругов, все так безоблачно?

— Да что вы! Конечно, есть. И письма есть обидные. Но я в этих случаях вспоминаю слова Сирано де Бержерака, замечательные: перед глазами врагов я хожу прямее и выше держу голову.

Глядя на улыбающегося Владимира Владимировича, вспоминаю другие слова, поэта Георгия Иванова: "Легки оковы бытия". Такой емкий парадокс: в нем и нрав, и умение преодолевать.

Многие годы Познер был "невъездным". Этот снимок он подписал так: "Свидание с домом, в котором я вырос..." Нью-Йорк. Май. 1986 г.

*Г. Никулина — автор книги о В. Познере "Экзамен перед зеркалом" (1994 г.).